

УДК 340

Величко Алексей Михайлович

профессор кафедры международного права,
Кемеровский государственный университет
vizant63@yandex.ru

Гаврилов Станислав Олегович

профессор кафедры теории и истории государства и права
Кемеровский государственный университет
gavrosh66@mail.ru

Колмогоров Сергей Александрович

старший преподаватель кафедры гражданского права
Кемеровский государственный университет
s.kolmogorov@hcsds.ru

Alexey M. Velichko

Doctor of Law, associate professor, professor of the International Law
of the Kemerovo State University
vizant63@yandex.ru

Stanislav O. Gavrilov

Doctor of History, PhD in Law, professor of the Legal History
of the Kemerovo State University
gavrosh66@mail.ru

Sergey A. Kolmogorov

Senior Lecturer of the Civil Law of the Kemerovo State University,
s.kolmogorov@hcsds.ru

Каноническое право: юридическая природа, доктринальные особенности, проблемы рецепции

Title: Canon law: legal nature, doctrinal features, problems of reception

***Аннотация:** В статье рассматриваются теоретические проблемы формирования и развития церковного права. По мнению авторов, каноническое право обладает специфическими характеристиками, предопределенными, особенностями божественного происхождения церковного законодателя. Эти сущностные особенности выделяют акты канонического права из общего корпуса законодательных актов. На основе историко-правового анализа памятников светского и церковного права авторы приходят к выводу о том, что нормы канонического законодательства, подобно нормам светского права, имели обязательную силу не только для адептов христианства, но и для представителей иных религиозных конфессий. В силу данного обстоятельства нарушитель канонических норм, по сути, приравнивался к государственным преступникам, а акты канонического права, по своей природе приравнивались к светским законам. Имеющиеся в истории попытки отрицания канонического*

права были основаны вовсе не на особой природе церковного законодательства, а на специфике господствующего в обществе мировоззрения.

Ключевые слова: *каноническое право, церковное законодательство, Святое Предание, Вселенские соборы, каноническая рецепция.*

Annotation. *The article deals with the theoretical problems of the formation and development of church law. According to the authors, canon law has special qualities due to the sacred, divine nature of the Church, distinguishing it from the general system of legal acts. Based on the historical and legal analysis of the secular and church law, the authors come to the conclusion that canonical legislation, like secular law, was considered obligatory not only for Christians, but for all heterodox and non-believers - the canon had the same force as the law, and any violator of a church rule was a state criminal. Thus, canon law is recognized as related to the state law or is denied not in connection with its special nature, but solely on the basis of an external circumstance: how much a particular society is churchly or has separated itself from the Church.*

Keywords: *canon law, church law, Sacred Tradition, Ecumenical Councils, canonical reception legal consciousness, accessibility of justice*

Споры о месте канонического права в общей системе права и даже о том, можно ли вообще считать его правом, сопровождают церковное законодательство на всем протяжении существования последнего. Представляется, что в пользу «правовой» точки зрения есть несколько важных фактических доводов. Пусть канонические правила действуют сегодня лишь в церковной среде, в свое время многие из них были инициированы и все они были введены в действие царской властью, для которой Церковь являлась органичной составляющей частью их государства, более того, одним из атрибутов Византийской империи. «И хотя императоры вместе со священноначалием все же разделяли государственный закон и церковный канон (почему сборники обоих узаконений и выходили в виде «номоканонов»), ни у тех, ни у других не возникало сомнений в правовой природе этих правил. В этой связи каноническое право должно быть однозначно квалифицировано в своем статусе» [1].

Каноническое право, бесспорно, обладает специфическими характеристиками, предопределенными, особенностями божественного происхождения церковного законодателя. Эти сущностные особенности выделяют акты канонического права из общего корпуса законодательных актов. В условиях воцерковленного государства нормы канонического законодательства, подобно нормам светского права, имели обязательную силу не только для адептов христианства, но и для представителей иных религиозных конфессий [2, с. 126]. В силу данного обстоятельства нарушитель канонических норм, по сути, приравнивался к государственным преступникам. Приведем несколько характерных примеров.

В VI в н.э. Императором Юстинианом I был впервые законодательно установлен статус еретиков. Причисленным к этой категории населения было запрещено наследовать любое имущество. Императоры VIII – начала IX столетий установили жесточайшие уголовные наказания, а также последующие ограничения в имущественных правах в отношении вероотступников. Речь, в

первую очередь, шла о язычниках, ранее принявших православие, но впоследствии вновь отказавшихся от веры Христовой. Титул XXXVII «Василиков» устанавливал в отношении тех граждан Византии, в том числе и христиан, кто был уличен в скотоложстве, применение символического талиона.

В своем нормотворчестве Отцы Византийской церкви прямо вторгались в отраслевое законодательство светской власти. К примеру, узаконения Григория Нисского и Василия Великого имели непосредственное отношение к уголовному законодательству. Именно Василий впервые детерминировал признаки умышленного и неумышленного убийства, разграничив эти понятия (Правило 8). Им же был определен перечень обстоятельств, позволяющей квалифицировать убийство новорожденного своей матерью как квалифицированное убийство (Правила 2, 33). 43 правило, по сути, посвящено характеристике объективной стороны преступления.

Брачно-семейное право, включавшее в себя самые нормы, регулирующие самые разнообразные общественные отношения – от заключения брака – до наследования имущества, основанного на степенях родства и свойства – являлось сферой совместного законотворчества светской и духовной властей. Одинаковой юридической силой здесь характеризовались и патриаршие акты, и царские указы. Типичными примерами здесь являются узаконения византийских императоров о запрещении браков между двоюродными братьями и сестрами (Юстиниана Великого, Льва VI, Мануила I Комнина) и подтвердивший этот запрет в 997 г. акт византийского патриарха Сисиния II [1, с. 74–103]. В свою очередь, запрет патриарха Николае III Грамматика на вступление в брак родственникам вплоть до седьмого колена, датированный 1097 г., был продублирован светским законом.

Подобная «симфония» императорских законов и канонических норм была вполне объяснима и византийских императоров вполне устраивала. Так, организатор Трулльского Собора (691–692 гг.) император Юстиниан II чрезвычайно дорожил своими унаследованными правами в сфере церковной юрисдикции. Дело в том, что к концу VII столетия территории Иерусалимского, Александрийского и Антиохийского патриархатов находились под арабской оккупацией и власть византийского монарха, его законодательства на эти земли, естественно, не распространялись. «Вселенский» характер этих законов вызывал все больше сомнений. Другое дело – канонические нормы, независимые от политической конъюнктуры: в неблагоприятной ситуации целесообразность оформления нормативных предписаний в форме соборных канонов была вполне очевидна [3].

Впрочем, в отдельные периоды отмеченное нами качество «симфонии» исчезало. Впервые подобная ситуация имела место в период, предшествовавший принятию Миланского эдикта, характеризовавшийся гонениями на адептов христианства. Подобное явление становится типичным и в новейшее время. Как таковых преследований сторонников религиозного мировоззрения, бесспорно, уже не существует, но внешняя схожесть налицо: разработка норм канонического права, их применение, установление ответственности за их нарушение ограничены пределами церковных общин, а право всегда ограничено по

сфере своего применения церковными общинами. Светский законодатель здесь никак себя не обнаруживает. «Когда государство выделяет себя из Церкви, для него каноническое право перестает быть правом, вообще выпадает из правовой системы» [1]. Это уже не право как таковое.

При этом мы категорические противники попыток отождествлять церковные узаконения периодов деклерикализации государства с, так называемыми, «мертвыми законами», формально не отмененными, но на практике не применяемыми. Здесь ситуация иная – каноническое право вовсе не утратило своей регулятивной функции. Оно по-прежнему применяется в церковных общинах, регулирует процессы богослужения и повседневную общественную жизнь прихожан, являясь для них обязательным [4, с.15]. Кроме того, история знает конкретные примеры, когда каноническое право вновь сближается с правом государственным, когда утраченная «симфония» восстанавливается, а церковные узаконения восстанавливают свой статус нормативных правовых актов. Вполне вероятно подобная ситуация и в дальнейшем.

В «воцерковленном» обществе нарушитель канонических норм, по сути, приравнивался к государственным преступникам, а акты канонического права, по своей природе приравнивались к светским законам. Имеющиеся в истории попытки отрицания канонического права были основаны вовсе не на особой природе церковного законодательства, а на специфике господствующего в обществе мировоззрения.

Формирование корпуса источников канонического права основывалось на их тщательной верификации, после оценки Церковью содержания конкретных актов с точки зрения их реальной пользы в деле духовного спасения христианина. Данная цель достигается исключительно канонической рецепцией, одним из малоисследованных направлений правотворческой деятельности. Обычно под рецепцией понимают процесс усвоения и заимствования тем или иным народом чужих правовых систем и культуры [5, с. 110]. Едва ли, однако, данное определение применимо в данном случае. Церковь Христова по природе своей является кафолической (вселенской), одной и единой. Или, как высказался авторитетный автор, «Церковь есть единство. И все бытие ее в этом единстве и единении, о Христе и во Христе. Мера этого единства есть кафоличность, когда непроницаемость личных сознаний снимается в совершенном единомыслии и единодушии» [6, с. 511]. В результате Церковь не в состоянии брать на вооружение нормы, противные ее сути.

Абсолютно не соответствует действительности мнение о том, что Церковь способна организовывать свою жизнедеятельность по правилам, исходящим из внешнего источника, навязанным ей. Все то, что противоречит христианским заповедям, затрудняющее процесс духовного спасения, будет отвергнуто, независимо от того, кто является источником идей подобного рода. В результате каноническая рецепция по своему содержанию представляет собой процесс формирования и применения особого рода правовых норм – духовных канонов, созданных самой Церковью и направленных на возрождение и духовное перерождение. Обязательным элементом канонической рецепции является верифи-

кация этих канонических правил на предмет соответствия их истинам Священного Писания и Святого Предания.

Отличия канонической рецепции от государственного правообразования имеют сущностный характер. Они основаны на различном правопонимании. Разнятся сами цели права. Целью правовых предписаний, исходящих от государства, является реализация идеи справедливости, где каждому воздается по заслугам. Церковь живет по законам любви; отдать свою жизнь во имя другого человека признается высшим ее проявлением (Ин.15:13). Главная ее цель – помощь человеку в достижении Царства Небесного, уподоблении Христу [1].

Представляется, что процесс рецепции свойственен не только правовой доктрине христианства – каноническому праву, но и всей христианской вере. Все догматы, утвержденные Вселенскими Соборами, представляли собой лишь завершающее звено в длительном процессе рецепирования данных правил всем христианским народом.

«Каждая новая книга, имеющая притязание включиться в учение Церкви или выразить его, подвергается суду Церкви, которая медленно, но все проверяет и испытывает со всех сторон, и прежде всего со стороны влияния учения на жизнь. Этот критерий, то есть влияние учения на жизнь, имеет чрезвычайно значение в силу теснейшей связи догматического сознания и жизни, и все, что окажется противоречащим или несоответствующим духу Христовой любви, к которой живет Церковь, она отвергает. Церковь в глубине своей знает Духом Святым истину любви Христовой, Церковь не обманывается» [7, с.95].

Особой актуальностью, на наш взгляд, является определение критериев, в соответствии с которыми каноническая рецепция может состояться. Традиционные христианские формулировки о духовном здравии и Духе любви Христовой очень расплывчаты и не убедительны для формализованного мышления, свойственного профессиональному юристу, основанному на конкретике. А потому уже издавна в этом качестве предлагали конкретные правила из Священного Писания, данные непосредственно Христом и Его апостолами, традиционно относящиеся к разряду «божественного права» (*jus divinum*). Считалось, что именно оно составляет и идейную, и содержательную основу канонического права. Как полагали, Церковь, ориентируясь на *jus divinum*, развивает «божественные» принципы и интерпретирует их в новые конкретные канонические правила. В отличие от *jus divinum*, имеющего незыблемый характер, канонические правила могут быть подвержены определенным трансформациям. Сличение их содержания с «божественным правом» в условиях изменившихся внешних факторов и составляло представление о содержании канонической рецепции.

В современном христианском правопонимании эта формулировка уже не звучит столь категорично. Тот факт, что каноническое право претерпевает со временем такие же трансформационные изменения как и светское право никем не подвергается сомнению. То, что казалось истиной во времена Апостолов, может стать невозможным спустя века, и, в результате, далеко не все правила, заимствованные из Священного Писания, становятся церковно-правовыми ка-

нонами. Напротив, некоторые правила Писания находят себе замену в конкретных канонах.

Таким образом, каноническое нормотворчество предстает перед нами в отличном от традиционного виде. Религиозные правила не просто закрепляются Вселенскими соборами в виде канонов, Соборы сами формулируют эти правила. В результате многие специалисты в сфере церковного права ставят под сомнение целесообразность выделения «божественного права» из всего корпуса источников церковного права [8, с. 631].

Наиболее весомая оценка церковным обычаям, как источникам правовых предписаний дана Святым Василием Великим. В одном из его Правил содержится критика сторонников точки зрения, в соответствии с которой неписанные традиции не имеют никакого значения. Подобный подход, по мнению святителя, умаляет значение Евангелия (Правило 91). Действительно, обращение к Востоку в молитве не зафиксировано в Писании. И эта, и иные традиции содержатся в неписанных посланиях святых отцов [9, с. 83].

Каноны Вселенских Соборов очень часто содержали ссылки на неписанные правовые обычаи. Об этом 5-й канон Халкидонского Собора, посвященный священнослужителям, переходящим в другой город. Особый пример – решения Никейского Собора, прошедшего в 325 г. Если одно из правил говорит о длительности применения одного из обычаев, то второе содержит прямое указание - «Да хранятся древние обычаи...» (Правило 6).

Практика постоянного применения церковного обычая и его дальнейшего оформления в виде канонической писаной нормы, по сути, и представляли собой процесс канонической рецепции, основанной на церковном правосознании. В ходе этого процесса обычай либо подтверждался, либо отторгался Церковью, как не соответствующий догмам христианства.

В том случае, если обычай был рецепирован, его последующее применение не просто восполняло пробельность канонического права. Зачастую подобный обычай с точки зрения юридической силы превосходил писаную норму. Так, в соответствии с Правилами Карфагенского собора и Канонами Трулльского Собора, в процессе Крещения должен участвовать восприемник (45 Правило и 53 Канон). Ни в одной из этих писаных норм не говорилось о необходимости участия в процессе и крестного отца, и крестной матери. Тем не менее, сложившийся неписанный обычай определил необходимость двух восприемников, что и стало постоянным церковным правилом.

Отметим, что в нашем понимании Священное Предание представляет собой собрание правовых предписаний, исходящих не от правил, зафиксированных в Писании, а от духовных авторитетов Церкви. Тот факт, что эти правила чаще всего фиксировались в устной форме, не умаляет их значения [10, с. 384]. Более того, по мнению некоторых богословов Священное Писание представляет собой лишь одну из форм действия Святого Духа, в то время как Предание – это сама церковная жизнь, божественное действие как таковое. Архимандрит Софроний утверждал, что в случае утраты Священного Писания его содержание может быть воссоздано на основе Предания. Конечно, речь в этом случае

пойдет не об абсолютно тождественном тексте, но содержание это будет основано на той же святой вере [7, с. 93].

Таким образом, несмотря на внешнюю несхожесть, невзирая на тот факт, что правила Предания не являются строгими предписаниями, а лишь вероучительными положениями, для церковного права Предание является не менее значимым источником, чем Писание. Тот факт, что участники Вселенских Соборов при обсуждении самых сложных вопросов обращались к наставлениям Отцов и Учителей Церкви, является еще одним тому доказательством.

Т.о., очевиден тот факт, частные предписания Святого Предания также нуждаются в канонической рецепции. В ходе рецепции необходимо, в первую очередь, подтвердить факт длительной практики следования священнослужителей и мирян правилам Святого Предания, как «необходимым законам своей жизни» [11, с. 33]. Необходимым условием канонического нормотворчества является также факт прославления духовного опыта, почитания лица, признаваемого святым, всей церковной паствой. Без этого канонизация святого и каноническая рецепция невозможны. Необходимо признать, что поскольку Святое Предание основано на ранее состоявшейся констатации духовного авторитета авторов его предписаний, сам процесс рецепции Святого Предания имеет двухэтапный характер и включает в себя процедуру канонизации лица, а затем утверждение тех правил, которые устанавливаются на основе его канонического опыта.

Литература:

1. Величко А.М. *Каноническое законотворчество и каноническая рецепция: Богослов. RU [Электронный ресурс]: Url: <https://bogoslov.ru/article/5706489>*
2. *Матфей Властарь, иеромонах. Алфавитная синтагма. Буква «В». Гл. 8, 9. – М.: Галактика, 1996. – 479 с*
3. *Валентин (Асмус В. В.), протоиерей. Деяния Вселенских Соборов // Электр. изд.: СПб: Аксионэстин, 2006. – 13 с.*
4. *Иоанн (Соколов В.С.), архимандрит. Опыт курса церковного законоведения. В 2 т. Т.1. – СПб.: тип. Фишера, 1851. – 593 с.*
5. *Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т.1. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1911. – 793 с.*
6. *Флоровский Г. В. О границах Церкви // Путь. 1934. №44. С. 15-26.*
7. *Софроний (Сахаров С.С.), архимандрит. Преподобный Силуан Афонский. Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2015. – 592 с.*
8. *Самарин Ю.Ф. Отношение Церкви к свободе (вариант к «Предисловию к богословским сочинениям А.С. Хомякова»)// Сочинения. В 5 т. Т.2. – СПб.: Т-во тип. М. И. Мамонтова, 2014. – 720 с.*
9. *Соколов Н.К. Из лекций по церковному праву. Вып. 1- 2. Выпуск I. – М.: Унив. тип., 1874. – 200 с.*
10. *Барсов Н.И. Священное Предание // Христианство. Энциклопедический словарь. В 3 т. Т.2. – М.: Большая рос. энцикл., 1995. – 671 с.*
11. *Павлов А.С. Курс церковного права. – СПб.: Лань, 2002. – 384 с.*

Literature:

1. Velichko A.M. *Canonical lawmaking and canonical receptio*:
Url:<https://bogoslav.ru/article/5706489>
2. Matthew Vlastar, hieromonk. *Alphabetic syntagma. The letter "B". Ch. 8, 9.* - M.: Galaktyka, 2006. - 779 p.
3. Valentine (Asmus V. V.), archpriest. *Acts of the Ecumenical Councils // Electr. ed.:* St. Petersburg: Axionestin, 2006.- 13 p.
4. John (Sokolov V. S.), archimandrite. *Experience of a course in church jurisprudence. In 2 volumes. Vol. 1.* - SPb.: pr.h. Fisher, 1851.- 593 p.
5. Gambarov Yu. S. *Civil law course. Vol. 1.* - SPb.: pr.h. Stasyulevich, 1911. -793 p.
6. Florovsky G. V *About the boundaries of the Church // Path. 1934. No. 44. S. 15-26.*
7. Sophrony (Sakharov S. S.), archimandrite. *Monk Silouan the Athonite. Holy Dormition Pochaev Lavra, 2015.- 592 p.*
8. Samarin Yu. F. *The attitude of the Church to freedom (version to the "Preface to the theological works of AS Khomyakov") // Works. In 5 volumes. Vol. 2.* - SPb.: pr.h. M.I. Mamontov, 2014.-- 720 p.
9. Sokolov N. K *From lectures on church law. Issue 1- 2. Issue I.* - M.: University pr.h., 1874. - 200 p.
10. Barsov N. I. *Sacred Tradition // Christianity. Encyclopedic Dictionary. In 3 volumes. Vol. 2.* - M.: Russian encyclopedia, 1995.- 671 p.
11. Pavlov A. S *The course of church law.* - SPb.: Lan, 2002.- 384 p.